

Рендл Марина Валерьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права
Южно-Российского государственного
технического университета
(Новочеркасского политехнического института)
имени М.И. Платова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ
В ПАРАДИГМЕ ПОСТМОДЕРНА**

Аннотация:

Статья посвящена актуальной проблеме предметного соотношения семантического содержания постмодерна с его предшественником – парадигмой эпохи модерна. В эпицентре работы – фундаментальная философская категория бытия, претерпевшая радикальную трансформацию в связи с артикуляцией основных принципов постмодернистского мировидения в философскую, социальную, равно как и научную области научных исследований. Результатом данного процесса становится формирование новой, неклассической онтологии (теории бытия), описывающей действительность исходя из принципов фрагментарности, нелинейности и хаосомности, общих как для пространства постмодерна, так и для постнеклассической научной парадигмы.

Ключевые слова:

постмодерн, модерн, хаос, социальное бытие, постнеклассическая научная парадигма, социальное пространство.

Rendl Marina Valeryevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Philosophy and Law Department,
Novocherkassk Polytechnic Institute,
Southern Russian State
Technical University

**THE TRANSFORMATION OF
FUNDAMENTAL
PHILOSOPHICAL CATEGORIES
IN THE POSTMODERN PARADIGM**

Summary:

The article deals with the relevant problem of subject correlation between postmodern semantic context and its predecessor – the epoch of modern. The work focuses on the fundamental philosophical category of being, that suffered radical transformation due to the formulation of the basic principles of postmodern ideology in philosophical, social, and scientific researches. The outcome of this process is formation of the new, non-classical ontology (the theory of being) describing the reality on the basis of the principles of fragmentation, non-linearity and chaos, common for both postmodern space and post-non-classical scientific paradigm.

Keywords:

postmodern, modern, chaos, social being, post-non-classical scientific paradigm, social space.

В основе определения онтологии как теории бытия лежит фундаментальный вопрос о том, что проявляет себя как сущее в конкретной парадигмальной взаимозависимости структур универсума. Проблема бытия в отношении дихотомического единства индивидуального сознания субъекта и социальных процессов, перманентно актуальная в философской плоскости начиная с Нового времени, приобретает альтернативное звучание в пространстве современности. Это связано с определенными, на сегодняшний день уже вполне сложившимися характеристиками постнеклассической научной парадигмы, наиболее существенной из которых является принципиальная хаосомность, специфическое проявление хаоса на разных уровнях бытия, равно как и «сосуществование широкого спектра методологических установок, теоретических дискурсов, креативных интуиций» [1, с. 146].

Для классической онтологии предикативное присутствие хаоса в мире строго ограничено, скорее это не-бытие, предшествующее самому универсуму. Эта традиция имеет свои античные философско-мифологические корни, согласно которым хаос есть беспорядочное и бесформенное пред-состояние мира. С начала XX в. контекст онтологической проблематики становится все более плюралистичным, что позволяет включать в спектр дисциплинарной атрибутики новые понятийные конструкторы, связанные с общей структурой логическими, априорно-психологическими и лингвистическими условиями. Этот методологический тренд изменения дисциплинарных границ онтологии достиг апогея развития с появлением «неклассической философии XX в., экзистенциализировавшей онтологическую проблематику и задавшей человекоразмерные параметры ее артикуляции» [2, с. 713].

На первый план в онтологии современности выходит идея хаоса как носителя деконструкции, хаоса не-бытия, которое в итоге становится единственно реальным бытием. В философском ракурсе эта тенденция находит свое отражение в постмодерне, порождающем радикально новые стратегии отношения к универсуму в целом и проблеме реального присутствия хаоса в онтологии в

частности. Традиционная онтология оказывается практически неприменимой в условиях постмодерна. Этот факт парадоксально заставляет искать пути решения никуда не исчезнувшей классической онтологической проблематики в ситуации невозможности самой классической онтологии. Постмодерн артикулирует собственную форму онтологии, которая в отношении бытия социальных процессов может быть обозначена онтологией социального хаоса. Хаос предстает сущностной характеристикой бытия в философии постмодерна, в складывающейся системе онтологических представлений, что имеет прямую взаимосвязь с установками постнеклассической рациональности.

Давно не является новым то, что современная онтология претерпевает колоссальные изменения, генетически ориентированные на отрицание самой идеи бытия как сущего. Пафос философии постмодерна направлен на категориальный слом, заключающийся, в частности, в отрицании идеи самоидентичности бытия и соответствующего отсутствия возможности рационального логического осмысления реальности. Вместе с тем столь радикальный нигилизм, перемещающий исследователя в постмодернистское пространство семиотических значений, оторванное от своих собственных денотатов, окончательно ведет к определенной крайности отказа от теории бытия и теории познания, фактически от рационального стержня науки.

Исторические корни данной проблемы лежат в плоскости генетического появления постмодерна с его нестандартной методологической схемой, резко контрастирующей с мировидением эпохи модерна. В отношении вопроса соотношения модерна с постмодерном среди огромного множества подходов и точек зрения можно выделить две основные линии. Одна из них является апологетикой модерна в контексте соотношения этих двух понятий и рассматривает постмодерн как его естественное логическое продолжение. Другая представляет собой активное противопоставление обоих философских течений и постулирует генезис постмодерна на принципах отрицания основных положений модерна.

Важнейшую роль в процессе выстраивания данных концепций играет интерпретация социокультурного контекста, предметно отображающего историческую смену научных и мировоззренческих приоритетов. Переход от модерна к постмодерну был во многом обусловлен глубокими социальными трансформациями: постмодерн эпистемологически «вырос» на руинах позитивизма, соединив в себе не только кризис детерминистических представлений о научном развитии, но и идеологическое крушение культурной традиции конца XIX в. Модернистский проект в его философском значении сформировался в фокусе контраста с традицией, символизируя доминанту индустриального общества над обществом доиндустриальным. Постепенно пафос новизны был уравновешен нарастающими темпами развития общества, стал привычным и утратил протестный характер борьбы с традицией. В дальнейшем изначально планируемый как ультра-революционный мультиидейный симбиоз, модерн плавно превратился в классику. Этот процесс произошел при активном зарождении постмодерна, возникшего на аналогичном фундаменте отрицания сложившейся системы социокультурных представлений. Апелляция к рациональности, характерная для модерна, начинает истолковываться как некий «буржуазный пережиток» ограниченного разума. Любая связь с гносеологическими и онтологическими категориями эпохи модерна расценивается как интеллектуальный моветон.

Таким образом, с одной стороны, постмодерн находится в однозначной оппозиции к модерну, сложившейся как следствие социокультурных пертурбаций XIX и XX вв. С другой стороны, ряд авторитетных ученых заявляют об однозначной преемственности идей модерна и постмодерна. По высказыванию В.Ф. Колязина, «некоторые исследователи склонны считать постмодернизм не отказом “от”, а, наоборот, развитием модернизма» [3, с. 35].

Однако следует обратить внимание на тот факт, что при всей своей монолитности концептуальный каркас модерна не может быть использован в современности: любая философская картина мира выражает социокультурную ситуацию своего времени и вряд ли может быть искусственно заданной программой, существующей параллельно этому времени. Постмодерн появился как естественная реакция на утрату способности создавать новое в модерне. Модерн исчерпал себя, обнаружив концептуальное несоответствие собственных идеалов реальной социокультурной практике. В процессе этого парадигмального перехода постмодерн казался стратегией отрицания всего и вся, вызывающей отторжение у приверженцев рационалистических идеалов. По прошествии определенного времени стала более очевидной преемственная связь модерна и постмодерна. Сформировавшись на принципах нивелирования классической онтологии в хаотическое Ничто, постмодерн активно претендует на то, чтобы заменить собой образовавшуюся пустоту.

В последнее десятилетие остатки методологического страха перед хаосом были окончательно исчерпаны, во многом благодаря постмодернистской гипертекстуальности и ультрарефлексивности по отношению к бытию. Ощущение экзистенциального кризиса, выражающееся в восприятии мира как хаоса, позволило в итоге воссоздать на руинах онтоса новую парадигму. Теоретическое построение такой парадигмы стало возможным на основе эпистемологического разрыва с

предшествующей системой модерна при вполне естественном сохранении определенных дескриптивных познавательных установок. В частности, Е.В. Батаева пишет о Новом времени как эпохе зарождения вполне постмодернистского понятия визуалистики. Новое время рассматривается данным автором как эпоха «иконического поворота» [4, с. 64], когда человек из существа органически интегрированного в мир природы превращается в Наблюдателя этого мира, дистанцируясь, таким образом, из материальной среды в мир рациональных конструкторов. Эта тенденция получает окончательное оформление в современности, что находит выражение в таких явлениях, как фланерство и видомагия, позволяя ученым говорить о произошедшем визуальном повороте в философии, символизирующем возрастание метафоричности образности философских дефиниций. Одновременно происходят процессы онтологизации знака, также берущие корни в новоевропейском рационализме. Все это позволяет говорить об общей смысловой поверхности, создающейся в лоне модерна и достигающей зрелости в постмодерне.

К сожалению, существует достаточно большое количество современных ученых, рассматривающих постмодерн как сугубо негативное явление, не принесшее в тезаурус человеческого знания о мире никаких позитивных моментов. Постмодерн критикуется за нигилистическую оценку окружающей действительности, за стремление к подмене научного познания полупоэтическим интеллектуальным осмыслением, выраженным в искусственно созданных когнитивных конструктах. Это, безусловно, отрицательный итог прошедших десятилетий. Постмодерн, обладая несомненной самостоятельностью и смысловой аутентичностью, все еще плотно увязывается в сознании с парадигмой модерна, будучи рассматриваемым как гротескная универсализация и предельная абсолютизация модернистской незавершенности. С этим утверждением также можно не согласиться: бессмысленной является попытка сконструировать мир без учета его системных закономерностей, регулирующих эволюцию универсума. Это не означает, что онтология и теория познания невозможны в современной философии. Как раз наоборот – дисциплинарные границы расширяются, дополняясь новыми принципами отображения реальности, в которые включено многообразие как научных, так и творческих, философских и социальных факторов.

Постмодернистскую философию упрекают в произвольном творении концептов, в отказе от логоцентричной реальности в пользу информационного пространства. Стоит отметить, что, во-первых, постмодерн как проект все еще находится в процессе своего развития, поэтому давать однозначно отрицательные оценки явлению пока еще рано. Во-вторых, в настоящее время достаточно тесно проявляется идейная синхроничность постмодерна принципам постнеклассической науки, однозначно зарекомендовавшей себя с положительной стороны. Безусловно, интегрированные в науку понятия неопределенности, хаосомности и нестабильности специфически отображаются в духовной проблематике в виде настроений мировоззренческой неуверенности, что дает отдельным ученым повод характеризовать постмодерн как «эстетику исчезновения», как несомненное начало процесса разрушения. Однако это не означает отсутствие философского потенциала в ризомной полифонии интеллектуальных концепций: философия постмодерна, несмотря на наличие определенного нигилистического пафоса, является уникальной системой понимания и осмысления глубинных структур бытия как духовных, так и социальных процессов.

Современная научная картина мира со всей очевидностью демонстрирует ограниченность однозначного отрицания постмодернистских установок, выстраивая на основании принципов нелинейности и хаосомности новую неклассическую онтологию. Процесс ее окончательного оформления еще не завершен, с каждым прошедшим десятилетием обретается новое смысловое наполнение. Суть неклассической онтологии состоит прежде всего в полагании структурных связей, отношений и закономерностей их эволюции фундаментом универсума. В философии это выражается в виде субстанциональности лингвистических артефактов: знание, воплощенное в языке, становится основой для понимания квинтэссенции бытия на разных уровнях его становления. На основе этих гносеологических трансформаций онтология характеризуется некоторыми исследователями как дескриптивная практика информационно-виртуальной реальности, что, несомненно, является далеко не исчерпывающей дефиницией.

Тем не менее определенная ситуация отказа от «вещности», объективности в ее традиционном понимании в пользу структурных связей занимает существенное место в современной картине мира. Происходит «демонтаж» классических субъект-объектных отношений, что обусловило возникновение потребности в новых способах познания и исследования. Как отмечает В.М. Дианова, «установка постмодернизма приводит к попытке создания новых методов анализа “текстуальности” – на первый план выступает так называемый “понимающий микроанализ”, сверхрационализм, трактуемый как единство чувственного и рационального, эмоционального и рассудочного» [5, с. 137]. Реальность больше не тождественна бытию: бытие есть в большей мере си-

стема отношений, чем система материальных элементов. Все это находит отражение в плоскости фундаментального пересечения постмодерна и постнеклассики как в фокусе современных философских, научных и творческих построений.

Ссылки:

1. Демьяненко В.А., Завьялова Л.П. Когнитивные способности живых систем: эпистемологические традиции и новации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 3 (25). С. 146–150.
2. Новейший философский словарь. Минск, 2001. 1280 с.
3. О проблемах изучения немецкого искусства XX в. М., 2008. 607 с.
4. Батаева Е.В. Фланерство и видомания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61–67.
5. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., 1999. 240 с.

References:

1. Demyanenko, VA & Zavyalova, LP 2013, 'Cognitive abilities of living systems: epistemological traditions and innovations', *Herald KSPU them. VP Astafieva*, no. 3 (25), pp. 146-150.
2. *The newest philosophical dictionary* 2001, Minsk, p. 1280.
3. *On the problems of studying of German art of the XX century* 2008, Moscow, p. 607.
4. Bataeva, EV 2012, 'Flanerstvo and vidomaniya: modern and postmodern visual practice', *Problems of Philosophy*, no. 11, pp. 61-67.
5. Dianova, VM 1999, *The post-modern philosophy of art: origins and modernity*, SPb., p. 240.